

Государственный траур. Снова государственный траур.

Чжу Юньвэнь с покрасневшими глазами безучастно смотрел на гроб, а Юньци, сидя рядом на высоком стуле, безучастно смотрел на Чжу Юньвэня.

Чжу Юньвэнь тихо произнёс:

— Уже за полдень, сходи поешь. Я один постою в карауле у гроба.

Юньци не выдержал:

— Перестань плакать, присядь ненадолго. Поплачешь и после еды.

Чжу Юньвэнь не ответил. Спустя мгновение он вновь разрыдался:

— Дедушка!

У Юньци сжалось сердце, и он поспешил его успокоить:

— Ладно, ладно, это Юнь-гэ-эр виноват... Не горюй так, Юньвэнь.

Чжу Юньвэня уже отравили однажды, и Юньци ни за что не осмеливался вновь от него отойти, опасаясь, что внезапно подбросят отравленные бумажные деньги или что-то в этом роде. Ему пришлось всё время находиться рядом с Чжу Юньвэнем, не смея отступить от него ни на шаг.

Юньвэнь лежал на полу, рыдая без остановки. Юньци какое-то время рассеянно смотрел на него, а затем произнёс:

— Юньвэнь, знаешь... Юнь-гэ-эр по-хорошему завидует тебе.

Юньвэнь перестал плакать и сквозь всхлипы спросил:

— Почему... почему ты так говоришь?

Юньци вздохнул:

— Когда умер мой отец, мне было всего девять лет. Я ничего не понимал. В четыре года меня забрали из дома, и старшая сестра отправила меня во дворец... Я больше никогда не видел отца...

Чжу Юньвэнь задумчиво смотрел на гроб, потом спросил:

— А мать?

Юньци ответил:

— У неё были трудные роды, она умерла, как только я появился на свет.

Чжу Юньвэнь кивнул. Юньци продолжил:

— Отец подал в отставку и вернулся на родину, но у него на спине образовалась язва. Когда он вернулся домой, моя сестра специально пришла во дворец, чтобы сообщить мне.

Чжу Юньвэнь отстранённо пробормотал:

— Что сообщить?

В этот момент евнух почтительно преклонил колени и поднёс короб со съестным. Юньци сказал:

— Давай пообедаем, за едой и расскажу.

Чжу Юньвэнь произнёс:

— Не хочу есть...

Юньци присел перед ним на корточки, взял короб и протянул ему. Затем он скрестил ноги:

— Если не сможешь доесть, оставь мне.

Чжу Юньвэнь кое-как перекусил и передал короб Юньци. Тот в свою очередь скормил Юньвэню ещё несколько кусочков, после чего, набивая рот рисом, невнятно пробормотал:

— Старшая сестра также изучала медицину. Она сказала, что у отца лишь небольшое недомогание, и он легко вылечится. Я и внимания не обратил, а потом, не знаю как, но только я вернулся в Чжунли, и ему сразу стало хуже...

Чжу Юньвэнь промычал: «А...»

— Старшая сестра вернулась в столицу, взяла меня за руку и повезла домой, в траурный зал, где лежал отец. Там собрались все жители Чжунли. Она указала на гроб и велела мне встать на колени, сказав: «Хоть мы и были рождены наложницей, но тоже родные дети отца. Кланяйся до земли.»

Юньци продолжил:

— Я несколько раз поклонился, и, поскольку старшая сестра не разрешала мне остановиться, пришлось кланяться снова и снова, пока из разбитого лба хлынула кровь. А старшие братья в это время рядом ссорились.

Чжу Юньвэнь спросил:

— Из-за чего?

Юньци ответил:

— О, перепёлка-то неплохо зажарена. Мне было девять лет, откуда мне знать, из-за чего они ругались?

Юньци, набив рот жареной перепёлкой, оживлённо затараторил:

— Старший брат заорал, как бойцовый петух, даже снял туфлю и швырнул второму брату в лицо, а потом закатал рукава и давай его бить...

— Второй брат от него не отставал, он схватил швабру и замахнулся. Треск, чёрная вспышка, и он как двинул старшему брату по лицу! Вот это было зрелище! А зять стоял посередине и кричал: «Старший шурина, второй шурина! Перестаньте драться, если хотите, бейте лучше меня!»

Чжу Юньвэнь думал, что Юньци хочет рассказать ему о тяготах своей жизни, но внезапно тон повествования сменился, и столь яркие описания застали его врасплох, он едва не расхохотался до колик в животе.

Когда Юньци увидел, что Юньвэнь смеётся сквозь слёзы, ему на душе стало немного полегче. Развернувшись, он уселся на стул и, забыв о дворцовых правилах, начал тыкать палочками в сторону стоящего на коленях Чжу Юньвэня:

— А потом старший брат и второй брат вместе набросились на зятя...

Пока они говорили, появился Хуан Цзычэн.

Великий воспитатель хотел поинтересоваться, поел ли императорский внук и не слишком ли он убивается горем. Такому маленькому тельцу вредно голодать.

Но, увидев Юньвэня с Юньци, Хуан Цзычэн едва не лопнул от ярости.

Правитель страны стоял на коленях, а Юньци сидел на высоком стуле, в одной руке держал императорский короб с едой, в другой палочки и что-то весело рассказывал.

Чжу Юньвэнь тем временем улыбался, глядя на Юньци.

«...»

Нервы Хуан Цзычэна не выдержали и с громким «дзынь» оборвались.

— Сюй Юньцииии!

Юньци, с полным ртом еды, тут же выплюнул всё и бросился наутек. Но Хуан Цзычэн, весь пылая праведным гневом и со вздыбленными от ярости волосами, схватил его за воротник и силой стащил со стула.

— Ты-ты-ты... Как ты смеешь! Ты оскорбляешь императора! Его останки ещё не успели остыть... а ты уже в траурном зале открыто издеваешься над Его Величеством!

Хуан Цзычэн, с растрёпанными волосами, бешено взревел на ветру, выхватил у Юньци короб с едой и швырнул ему в голову. Не обращая внимания на Чжу Юньвэня, обхватившего его за талию, он взял стул и погнался за Юньци через весь траурный зал.

Юньци, сознавая свою вину, не смел сопротивляться Великому воспитателю и был вынужден позорно ретироваться.

— Нечистая сила... бедствие! — Хуан Цзычэн был так зол, что дрожал всем телом. У него закатились глаза, он тут же рухнул на колени перед гробом и зарыдал в голос.

Юньци, съёжившись от страха, присел у входа во зал, наострив уши.

Доносились лишь беспрестанные извинения Чжу Юньвэня. Лишь спустя долгое время Хуан Цзычэн наконец немного успокоился и, обняв Чжу Юньвэня, сквозь слёзы и сопли начал вздыхать и охать.

Юньци подобрал половинку жареной перепёлки, прилипшую к его голове, и с досадой швырнул её обратно в короб.

Моя любимая жареная перепёлка... какая жалость.

— Вкусно?

— Мгм...

Пятнадцатилетний Тоба Фэн уже выглядел как взрослый мужчина. Его кадык слегка дрогнул, когда он устался на половинку жареной перепёлки в руках у маленького Юньци.

Самому Юньци, сидевшему в сторонке и доедавшему перепёлку, было всего двенадцать — он был ещё совсем ребёнком. На нём было безупречно чистое серо-голубое платье, придающее ему вид фарфоровой куклки, завёрнутой в холщевую ткань.

Тоба Фэн был выше Юньци на полтора головы и стоял прямо в облегающем золотистом фэйюйфу. Его голос был хрипловатым от ломки, и Юньци казалось, словно они люди из разных миров.

Маленький Юньци скупно оторвал кусочки головы и хвостика перепёлки и протянул Тоба Фэну. Тот с хрустом их пережевал и с трудом проглотил, вытянув шею.

— Ши-гэ уходит на дежурство.

Маленький Юньци, не поднимая головы, бросил:

— Возвращайся пораньше.

Тоба Фэн ответил:

— Хорошо.

Потом он погладил Юньци по голове, с важным видом положил руку на меч и ушёл.

В императорском саду среди декоративных каменных горок расчистили небольшую площадку. С другой стороны находился пруд Тайе, излюбленное место для свиданий влюблённых. Тоба Фэн лежал с закрытыми глазами, заложив руки за голову, а маленький Юньци пристроился рядом, греясь на солнце.

— Что-то её долго нет... — вяло пробормотал Юньци.

Тоба Фэн открыл свои глубокие янтарные глаза, шевельнул ухом и сказал:

— Пришла.

Затем он резко поднялся.

— Тоба Фэн? — принцесса Шоучунь мягко улыбнулась. — Шисюн-ди, давно ждёте?

Тоба Фэн холодно хмыкнул в ответ. Вместе с маленьким Юньци они уставились на короб с едой в руках принцессы Шоучунь.

Юньци отряхнул рукава, с настороженным видом встал, принял из рук принцессы Шоучунь короб и отошёл в сторону. Он сел, открыл его, и внутри оказались две жареные перепёлки. Довольный, он тут же принялся есть.

Тоба Фэн встал и вместе с принцессой Шоучунь подошёл к пруду Тайе, где они сели у перил. Она нежно спросила:

— Хорошо спалось прошлой ночью?

Принцесса Шоучунь облокотилась на ограду. Тоба Фэн в своём парчовом одеянии выглядел статным и мужественным.

Красивый телохранитель и изящная принцесса у пруда Тайе представляли поистине живописное зрелище.

Принцесса Шоучунь прикрыла рукавом вишнёвые губки, что-то тихо прошептала и снова легко рассмеялась.

Тоба Фэн безразлично ответил:

— А.

Принцесса Шоучунь с досадой воскликнула:

— Хе-хе, ну ты даёшь...

И ткнула указательным пальцем в голову Тоба Фэна, слегка подтолкнув его.

Тоба Фэн покачнулся, словно деревяшка.

Принцесса Шоучунь с зардевшимся лицом долго смотрела на пруд Тайе, а затем произнесла:

— Тоба Фэн.

Тоба Фэн безэмоционально ответил:

— Ваш слуга здесь.

Принцесса Шоучунь сказала:

— Вчера ночью я...

Тоба Фэн повернул голову:

— Доел?

Маленький Юньци с масляными губами выглядывал из-за декоративной каменной горки, настороженно наблюдая за принцессой Шоучунь, а затем медленно кивнул:

— Оставил на потом.

Тоба Фэн спрыгнул с перил, и развевающиеся полы его фэйюйфу описали в воздухе изящную дугу. Он подошёл и сказал:

— Пошли.

Так они и ушли — большой и маленький, — бросив принцессу Шоучунь одну у пруда.

Нежное, как цветок персика, лицо принцессы Шоучунь покраснело от злости. Она решила, что в следующий раз не принесёт еды этому противному Сюю.

Однако несколько дней спустя принцесса Шоучунь пришла с пустыми руками и встретила ледяные взгляды обоих.

— А где жареные перепёлки? — спросил маленький Юньци, прячась за спиной Тоба Фэна и глядя на неё с подозрением.

Принцесса Шоучунь гневно нахмурила тонкие брови:

— Нету! Только о еде и думаешь, с какой стати я тебе что-то должна приносить?!

Тоба Фэн, будто ставший жертвой чудовищного обмана, мгновенно побледнел. Его голос стал ледяным, когда он грозно спросил:

— Где жареные перепёлки?!

Четырнадцатилетняя принцесса Шоучунь надула губки, и по её щекам покатались слёзы.

Прождав зря целую вечность, маленький Юньци был в полном отчаянии. Он тоже надул губы, и на его глаза навернулись слёзы. Сдерживая невыразимую горечь и печаль, он пробормотал:

— Я пошёл...

Тоба Фэн холодно бросил принцессе Шоучунь:

— Я тоже пошёл. Можешь возвращаться.

Принцессу Шоучунь словно молнией поразило. Она погрузившись в бездну отчаяния, беспомощно наблюдая, как её прекрасный возлюбленный повернулся и ушёл.

В тот момент, из-за двух жареных перепёлок, она потеряла его. Навсегда. Безвозвратно.

Маленький Юньци, пройдя полкруга вдоль пруда Тайе, угрюмо плюхнулся на траву.

Тоба Фэн, сидя спиной к воде, похлопал себя по бедру:

— Иди сюда. Садись ко мне на колени.

Маленький Юньци, надув губы, уселся верхом на бёдра Тоба Фэна.

Тоба Фэн естественным образом обхватил его за талию, а Юньци в ответ обнял его за чистую шею. Так они и сидели в обнимку, пока через некоторое время ровное дыхание Юньци не выдало, что он уснул.

Когда селезни мандаринки обнимались, утка мандаринка стояла в сторонке и смотрела.

Тоба Фэн дождался, пока Юньци крепко уснёт, затем поднял его на руки и, покачивая, как гирию среднего размера, отнёс сонного шиди во двор, уложив в постель. Немного подумав, он порвал тряпку для уборки, прикрыл ею лицо и отправился на кухню воровать жареных перепёлок.

Юньци уже десять шичэней подряд нёс караул и наконец выкроил небольшой перерыв. Он тщательно проинструктировал обо всём пришедшего на смену Жун Цина и, всё ещё беспокоясь, вернулся во двор. Помывшись, он с мокрыми волосами плюхнулся на кровать.

Стоять на ногах десять шичэней — это слишком даже для человека, выкованного из железа. Обессиленный Юньци закрыл глаза, не обращая внимания на мокрые волосы, чтобы бы хоть немного поспать.

— Командир... — Прожужжала муха: — Командир Юнь, командир Юнь, командир Юнь...

Юньци, не открывая глаз, в полудрёме пробормотал:

— На стене висит Императорский меч. Возьми и перережь себе горло.

— Командир Юнь... Наследный принц требует, наследный принц... Великий воспитатель, Великий воспитатель...

Юньци в исступлении закричал:

— Дадите вы мне пожить наконец?!

Он резко поднялся, с яростью толкнул евнуха, едва не сбив того с ног, а затем наскоро натянул фэйюйфу.

Жун Цин с кислым выражением лица стоял перед залом Тайхэ и, увидев Юньци, облегчённо выдохнул:

— Наследный принц хочет видеть удельных князей, приехавших выразить соболезнования. Они прибыли в столицу несколько дней назад.

Юньци раздражённо спросил:

— А Янь-ван приехал?

Жун Цин мрачно покачал головой. Юньци пришлось войти в зал, где он увидел Чжу Юньвэня, сидящего на троне. Он внимательно осмотрел его, а затем заметил Хуан Цзычэна, сидящего рядом с угрюмым лицом.

В зале стояли Ли Цзинлун, Фан Сяожу и другие.

Юньци поклонился, а затем подошёл и встал рядом с императорским столом.

Чжу Юньвэнь словно принял успокоительное, он распорядился:

— Позвать трёх императорских дядей.

Цзиньивэй строжайше запрещалось вмешиваться в государственные дела. Будь за дверьми Юньци, Жун Цин или даже Тоба Фэн, результат был бы примерно одинаков. Чжу Юньвэнь, продержавшись так долго, видимо, уже выслушал нравоучение Хуан Цзычэна, но всё равно упрямо ждал, пока придёт Юньци.

Когда Юньци разобрался в подоплёке событий, его гнев мгновенно рассеялся, и с насмешливой ухмылкой он посмотрел на Хуан Цзычэна.

Но тому было сейчас не до него.

Трое князей вошли в зал и почтительно поклонились Чжу Юньвэню, но не стали преклонять колени, обратившись к нему как к «племяннику». Юньци понял, что сегодня князья решили припугнуть Чжу Юньвэня.

Хуан Цзычэн переглянулся с Фан Сяожу, и тот ледяным тоном произнёс:

— Ваши Высочества, увидев Его Величество, не преклонили колени, каковы ваши намерения?! Хуайинь-хоу было пожаловано сто тысяч дворов, но, когда он проявил непокорность, то был казнён, чтобы принести всем под небесами свои извинения! Как Ваши Высочества полагают, идёте ли вы в сравнение с Хуайинь-хоу?!

Услышав это, три князя не ожидали, что Фан Сяожу окажется настолько решительным и осмелится напрямую их обвинить. Хуан Цзычэн, заранее сговорившись с Фан Сяожу, насмешливо отметил:

— В этом не стоит винить трёх князей. Император только что скончался, и наследный принц ещё не взошёл на престол. Правила этикета действительно неоднозначны. Когда тело императора предадут земле, тогда князья и преклонят колени, соблюдая все положенные церемонии, этого будет достаточно.

Чжу Юньвэнь поспешно улыбнулся:

— Ничего, ничего, мы всё-таки семья.

Юньци понимал, что один пел в красной маске, а другой — в белой*. С трудом сдерживая смех, он наблюдал за происходящим.

* Петь в красной маске (□□□) — изображать положительного героя; петь в белой маске (□□□) —

изображать злодея.

Лу-ван первым опомнился и в гневе воскликнул:

— Если так, то почему господин Фан устроил здесь сцену?!

Фан Сяожу громко возразил:

— Отнюдь, Сяожу не смеет молчать, когда попирают волю императора! Его останки ещё не остыли, наследный принц юн, а Ваши Высочества уже пренебрегаете дворцовым этикетом и неуклонно проводите свою линию. Это достойно презрения!

Цзинь-ван нашёл брешь в его словах и с усмешкой сказал:

— Выходит, учёный Фан хочет укрепить авторитет наследного принца? Но если это семейная встреча, зачем племянник позвал этих посторонних чиновников?!

Чжу Юньвэнь сказал:

— Дядя прав, канцлер Фан действительно нарушил этикет. Помощники, двадцать ударов батогами!

Юньци всё ещё улыбался, не понимая, что происходит.

Фан Сяожу, старые раны которого ещё не зажили от предыдущего наказания, прихрамывая вышел в центр зала, с грохотом опустился на колени и твёрдо произнёс:

— Я лишь надеюсь, что Ваши Высочества запомнят слова, сказанные сегодня в этом зале!

Чжу Юньвэнь снова приказал:

— Батоги!

Только тогда Юньци очнулся, улыбка застыла на его лице. Он неуверенно посмотрел на Чжу Юньвэня.

Тот нахмурился и тихо пояснил:

— Побей его двадцать раз... — Затем он снова указал на Фан Сяожу.

Мысли Юньци были в полном беспорядке, словно его одновременно бомбардировали десятки божественных ударов молний и сотня извергающихся вулканов.

— Его... бить? — Юньци смотрел то на Фан Сяожу, то на Чжу Юньвэня. Хуан Цзычэн, слегка раздражённый, кашлянул.

Юньци мгновенно почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок, и развернулся, чтобы принести батоги.

Когда началось наказание, Юньци переглянулся с остальными стражами Цзиньвэй, и все они принялись наносить крайне лёгкие удары. На драконьем троне сидел не Чжу Юаньчжан, и Юньци всё же хорошо понимал характер Юньвэня.

Юньвэнь отвел взгляд от Фан Сяожу и снова спросил:

— А когда приедет четвёртый императорский дядя?

Исполненные болью стоны Фан Сяожу заставили трёх князей почувствовать себя неловко, и их заносчивость сократилась на восемь десятых. Лу-ван ответил:

— Он... Четвёртый брат, видимо, задерживается в пути.

Чжу Юньвэнь улыбнулся:

— Лишь бы только не опоздал. Эту большую церемонию предков нельзя нарушать.

Князя, словно получив пощёчину, смущённо пробормотали:

— Наследный принц совершенно прав.

Хуан Цзычэн ехидно усмехнулся:

— Какой там задержался в пути? Он просто в открытую не уважает наследного принца! Во время правления покойного императора, когда умер наследный принц, он приехал из Пекина в Нанкина всего за пять дней. А сейчас уже прошла первая неделя траура, почти месяц, сколько ещё можно тянуть?! Ходят слухи, что Янь-ван тайно набирает войска и покупает лошадей...

Как только эти слова были произнесены, князи мгновенно изменились в лице и одновременно бросили взгляды на Юньци.

Но Хуан Цзычэн, не обращая внимания на выражение лица Юньци, продолжил бранить на чём

свет стоит всю семью Янь-вана Чжу Ди, от чего лицо Юньци то бледнело, то зеленело.

Юньци изначально полагал, что после двадцати ударов батогами Фан Сяожу провернёт план «Страдание плоти»*, поэтому не стал перебарщивать. Все удары были лишь для вида и не задевали ни костей, ни сухожилий. Но теперь, наслушавшись ядовитых намёков* и оскорблений Хуан Цзычэна, Юньци внезапно вспыхнул от ярости. Проклиная себя за излишнюю мягкость ранее, он с ожесточением занёс палку и, стиснув зубы, ударил Фан Сяожу ещё один раз.

* План «Страдание плоти» (□□□) — обр. в знач. наносить себе увечья или прикидываться страдающим, чтобы вызвать к себе доверие или сострадание.

* Досл. «стрелять в тень человека песком изо рта» (□□□□) — обр. бросать ядовитые намеки. Происходит из легенды о чудовище, которое причиняло болезнь человеку, плюя в него песком.

Этот удар был невероятно безжалостным. Партнёр напротив уже собирался объявить «двадцать», но, увидев, что Юньци добавил лишний удар, поспешил последовать его примеру. Два удара обрушились одновременно, заставив Фан Сяожу рухнуть на землю и харкнуть кровью.

Чжу Юньвэнь вздрогнул от неожиданности. Увидев бледное как смерть лицо Юньци, он рассеянно обменялся с князьями ещё несколькими формальностями. Те, жаждавшие поскорее откланяться, тут же поспешно удалились.

Фан Сяожу, стиснув зубы, поднялся и, дрожа, подошёл к императорскому столу. Чжу Юньвэнь торопливо встал, чтобы поддержать его, и сказал:

— Учитель, в самом деле... эх.

Маленький евнух принёс два стула, чтобы Фан Сяожу мог лечь. Только тогда он произнёс:

— Били слабо, не так жёстко, как в прошлый раз.

Юньци, положив батоги обратно, вернулся к императорскому столу и встал на своё место. В душе он ответил: «Получил поблажку, ещё и жалуется. В следующий раз будет иначе. Если за десять ударов не превращу тебя в мясную лепешку, тогда я, бля, не Суй».

До сих пор молчавший Ли Цзинлун наконец неспешно произнёс:

— Только так можно было напугать удельных князей. Сегодня Сяожу-сюн принял удар на себя. В будущем, если князья вновь нарушат этикет, Ваше Высочество должны будете держать это в уме.

Чжу Юньвэнь вздохнул, кивнул и добавил:

— Всё же они мои родные дяди. Если можно решить вопрос так, то...

Фан Сяожу строго сказал:

— Сейчас удельные князья стали слишком неуправляемыми*, Ваше Высочество не должны проявлять нерешительность.

* Досл. «большим хвостом не помашешь» (□□□□).

Хуан Цзычэн кашлянул.

Юньци подумал: «До этого он уже прошёлся по Янь-вану, да ещё и, указывая на тутовник, бранил акацию*, упрекнув меня. Неужели снова ищет повод?»

* Указывая на тутовник, бранить акацию (□□□□) — обр. ругать одного, имея в виду другого.

Хуан Цзычэн неторопливо произнёс:

— Все посторонние, выйдите.

Юньци нахмурился и затаил дыхание.

Хуан Цзычэн продолжил:

— Во дворце слишком много ушей. Командир Цзиньвэй Сюй, выйдите.

Юньци ответил:

— Цзиньвэй подчиняются только приказам императора.

Чжу Юньвэнь, казалось, не мог принять решения, но после паузы, видимо, определился:

— Командир Сюй, выйдите ненадолго.

Юньци несколько мгновений смотрел на Чжу Юньвэня, затем кивнул и первым вышел из зала. Остальные пятеро Цзиньвэй последовали за ним, покинув зал Тайхэ.

Юньци плотно прикрыл за собой дверь и тихо сел на ступеньки перед залом.

Если бы Тоба Фэн всё ещё был здесь, Юньци, возможно, сказал бы Хуан Цзычэну: «Император сейчас лежит в гробу. Пусть сам и отдаёт приказы, если сможет.»

Но раз уж тогда он выбрал остаться, значит, теперь придётся хранить верность Юньвэню.

Быть преданным, как Тоба Фэн. Каким бы ни был приказ хозяина, пёс обязан неукоснительно его выполнять. Острый нюх Юньци снова не подвёл, обсуждаемое Фаном, Хуаном и Ли, скорее всего, касалось его беспутного зятя.

Через несколько дней Чжу Ди наконец прибыл в Нанкин.

И привёл с собой из Пекина пятнадцать тысяч личных гвардейцев, которые расположились лагерем за пределами Нанкина.

Что задумал Чжу Ди? При дворе тут же поднялся переполох. Неужели он замышляет мятеж?

В шатре за городскими стенами.

Чжу Ди усмехнулся:

— Так и знал, что не пустят.

Тоба Фэн, надвинув доули, молча стоял в углу шатра.

Чжу Ди сидел нога на ногу и, подложив руки под голову, покачивался взад-вперёд на стуле.

— Янь-ван, тебе поистине не занимать смелости!

Чжу Ди тут же лицом вверх опрокинулся на спину. Только благодаря Тоба Фэну, который ловко вытянул руку и подхватил спинку стула, падение удалось предотвратить.

В этот момент за полог шатра ворвался разъярённый человек, которого не смогли удержать даже личные стражники.

Тоба Фэн разжал руки, спрятал их в рукава и, опустив голову, спокойно встал позади Чжу Ди.

Человек высоко поднял какой-то предмет, и в тот же миг вспыхнули ослепительные золотые лучи! Сияние буквально выжгло собачьи глаза Чжу Ди!

Чжу Ди присмотрелся и испугался не на шутку:

— Уважаемый брат... то есть, господин, как ваша фамилия?

Тот гневно ответил:

— Я — Сун Чжун! Хватит панибратствовать с напускной улыбкой!

Предмет в его руках был трёх чи и двух цуней в длину, и шириной с палец. Сун Чжун собрался с духом, а затем в полную силу проревел:

— В моих руках Императорский меч! Янь-ван Чжу Ди, прими указ!

Чжу Ди взял себя в руки, и когда он ещё не знал, что ответить, Тоба Фэн вдруг хрипло и холодно произнёс:

— Ваше Высочество, этот Императорский меч — подделка.

Чжу Ди закатил глаза.

В этот момент в шатёр вошёл ещё один человек, которого тоже никто не смог остановить. В фэйюйфу и с мечом Сючунь у пояса он вытер пот со лба и улыбнулся:

— Наконец-то пробрался.

Чжу Ди невольно вскрикнул:

— Жун Цин?!

Жун Цин держал в руках какой-то предмет, с улыбкой оглядел Сун Чжуна, и все трое уставились друг на друга. Затем он смущённо прочистил горло и сказал:

— Эээ... Ваше Высочество...

Императорский меч в руках Жун Цина выглядел точь-в-точь как тот, что держал Сун Чжун. Тоба Фэн прошептал:

— Настоящий у Жун-гэ-эра.

Услышав этот голос, Жун Цин слегка вздрогнул и с недоверием посмотрел на Тоба Фэна.

Тот чуть приподнял голову, прищурился из-под широких полей доули и очень медленно покачал головой в сторону Жун Цина.

Жун Цин тут же вернул самообладание и строгим тоном заявил:

— Командир Юнь послал меня... передать Янь-вану несколько слов.

Сун Чжун мгновенно взбесился и заорал:

— Да кто такие Цзиньивэй?! У меня императорский указ!!!!!!!!!!!!!!!

И тогда единственной мыслью Чжу Ди стало: «В мире не сыскать ещё большего абсурда».

Настоящий Императорский меч был пожалован его младшему шурина... а самому императору пришлось выкручиваться и делать подделку. До чего же дошёл этот мир?!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326074>